

КОНЦЕПТ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА

Карнаухова Оксана Сергеевна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
oskarnauhova@sfedu.ru

Аннотация. Одним из самых серьезных вызовов, стоящих перед будущим различных региональных и транснациональных интеграционных проектов, является безопасность. Мюнхенская конференция по безопасности 2020 г. напомнила о слиянии понятий внешней и внутренней безопасности в рамках европейского интеграционного проекта, и дилемма «интеграция — безопасность» вновь становится актуальной исследовательской повесткой. Статья обращается к концепту безопасности не только с точки зрения его противопоставления концепту «угрозы», но и как к моменту смыкания репертуара критической школы исследований безопасности и широкого постколониального подхода. В статье утверждается, что подход к пониманию безопасности по отношению к периферии не является эффективным, поскольку глобальными лидерами используется один и тот же моральный императив цивилизаторской миссии и схожие нарративы безопасности как необходимого элемента благосостояния, тем самым навязывая себя для помощи зависимому региону.

Ключевые слова: безопасность, лидерская рента, клиентаж, патронаж, постколониальность, критическая школа исследований безопасности, периферия.

Цитирование: Карнаухова О.С. Концепт безопасности в постколониальном контексте: исследовательская повестка // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 108–120. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-108-120 / Karnauhova O.S. The Concept of Security in the Postcolonial Context: the Research Agenda, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 108–120. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-108-120.

© Карнаухова О.С., 2021

THE CONCEPT OF SECURITY IN THE POSTCOLONIAL CONTEXT: THE RESEARCH AGENDA

Karnaukhova Oxana S.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
oskarnauhova@sfedu.ru

Abstract. One of the greatest challenges facing the future of various regional and transnational integration projects is security. The Munich Security Conference 2020 recalled the merging of the concepts of external and internal security within the European integration project, and the “integration – security” dilemma is again becoming a relevant research agenda. The paper addresses the concept of security not only in terms of its opposition to the concept of “threat”, but also as a point of convergence between the repertoire of the critical school of security studies and the broad postcolonial approach. The paper argues that an approach to understanding security in the periphery is ineffective because global leaders use the same moral imperative of civilizing mission and similar narratives of security as a necessary element of well-being, thereby imposing themselves to help the dependent region.

Keywords: security, leadership rents, clientage, patronage, postcoloniality, critical school of security studies, periphery.

ВВЕДЕНИЕ

После 1945 г. термин «безопасность» вытесняет в исследовательских кругах и в практических дискуссиях понятия «война», «оборона», «стратегия» при обсуждении вопросов устойчивого развития и глобального лидерства. Однако в повседневной жизни мы довольно активно используем данный термин в сочетании, как нам кажется, с синонимичными понятиями стабильности и предсказуемости. О чьей безопасности мы говорим — отдельного человека, нации, государства, мира? И говорим ли мы о том, что Вольферс определил как «объективную» безопасность (безопасность от реальных угроз) в отличие от «субъективной» безопасности (восприятие угроз) [Wolfers, 1952]? И о каких угрозах (или рисках?) мы говорим — нападение иностранного государства, террористическая угроза, или опасности голода, нищеты, болезней или преступности? И что представляет собой аппарат или практика безопасности — существование государства или иной формы политической власти, сектора безопасности (вооруженные силы, полиция, спецслужбы и т.д.), или более широкие формы обеспечения социального страхования?

Со второй половины 1980-х гг. концепт безопасности претерпевает изменения, поскольку история развивающегося индустриального, и постиндустриального, общества все чаще определяется как обремененный конфликтами процесс установления системы правил, формирующихся в борьбе с угрозами и рискованными ситуациями. Такие ситуации создаются современными индустриями. В дальнейшем риторика безопасности и рисков направляет мысли европейских исследователей к концепции общества риска и культуры символического обмена [Beck, 1992; Baudrillard, 1993]. Экономика рисков опирается на будущие контракты с долгосрочными последствиями, влияя на экономические перспективы на микро- и макроуровне. Однако эти перспективы определяются и уточняются космополитической культурой символического обмена. Риск позиционируется как остаточная неизбежность, обратная сторона невероятного процветания и существования государств всеобщего благосостояния.

Природа современных рисков заключается в их глобальных катастрофических последствиях, необратимости ущерба и, одновременно, невидимости. Такие риски становятся видимыми только через систему знаний и, более конкретно, через социальное определение и артикуляцию. По сравнению с доиндустриальным и индустриальным этапами постиндустриальный риск является результатом процесса принятия решений, в котором ответственность несут транснациональные корпорации и правительства. Такая ответственность идет рука об руку с необходимостью запуска комплекса контрольных мер над процессами, вовлеченными в формирование глобальной политической экономики риска и безопасности.

Наиболее важным для индустриального и постиндустриального общества является его способность приспосабливаться к неопределенному будущему.

Рассматривая основные идеи глобализированной экономической политики, Ротштейн и Даунер [Rothstein, Downer, 2008, p. 6] полагают, что «в самом простом смысле, разработка политических мер, основанных на рисках, – это практика целенаправленной политики, пропорциональной потенциальным угрозам для общества, учитывая как их вероятность, так и последствия». Подвергающийся расчету риск превращает будущие события и процессы в настоящую деятельность. Проблема превращается из объективно существующей и непреодолимой опасности в выгодную безопасность «на продажу». Так общество риска превращается в общество без гарантий. Как заявил У. Бек [Beck, 1992], современность с конституирующим принципом неопределенности обретает свой контрпринцип в социальном пакте против опасностей и ущерба. Таким образом, этот пакт является внутренней логикой общего соглашения об экономическом прогрессе.

В конце XX в. в Европе пересеклись две противоположные линии, а именно: линия развития и безопасности, основанная на выполнении технологических и бюрократических норм и контролирующих инструментов, и линия опасностей и исторически новых угроз, простирающихся через границы легитимности и политики [Giddens, 2007; Beck, Grande, 2010]. Это противоречие носит социальный и политический характер, которое скрыто в смешении эпох. Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока существуют стереотипы, присущие индустриальному обществу, и символический характер видимого контроля.

Одним из таких стереотипов и последующей необходимостью контроля являются отношения развитого глобализированного центра и отстающей региональной периферии. Сравнительные региональные исследования и исследования центр-периферийных отношений в начале XXI в. основываются на так называемом «новом подходе к регионализму», согласно которому внутрирегиональные отношения являются одним из важнейших факторов, влияющих на экономическую ситуацию, и могут быть определены как в рамках исследований безопасности, так и по экономическим, политическим и коммуникационным векторам. Регионы, для которых развитие и стабильность непосредственно связаны с необходимостью обеспечения безопасности, преимущественно основаны на модели взаимоотношений «Мы – Другие». Это приводит к мысли, что участники периферийных зон и регионов безопасности могут секьюритизировать внешние отношения как угрожающий и в то же время необходимый элемент их региональной идентичности. Например, по некоторым очевидным причинам ситуацию вокруг ЕАЭС можно охарактеризовать как «симметричную секьюритизацию» [Makarychev, 2008]. Механизм этого процесса можно представить следующим образом: Россия сталкивается с отчуждением и секьюритизацией со стороны ЕС и Организации Североатлантического договора (НАТО) и запускает аналогичные механизмы против них. В то же время сам ЕС следует логике симметричной секьюритизации.

PARIS И БЕЗОПАСНОСТЬ

Безопасность давно стала точкой междисциплинарной встречи теорий и методов. Она объединяет выводы школы исследований безопасности PARIS (Political Anthropological Research of International Sociology) с постколониальным подходом, который успешно справляется с человеческим измерением современной концептуализации (не)безопасности. PARIS стремится объяснить глобальную политику через призму безопасности как легитимизирующего механизма решения общественных проблем. Секьюритизация – это прагматический акт, представляющий собой устойчивую аргументативную практику, направленную на убеждение целевой аудитории принять, на основе того, что она знает о мире, утверждение о том, что конкретное развитие событий является достаточно угрожающим, чтобы заслуживать немедленных решений по его обузданию. Другими словами, сам по себе речевой акт не делает проблему секьюритизированной, но для этого он должен иметь определенный контекст и силу. Безопасность, и в особенности внутреннюю безопасность, следует понимать как процесс секьюритизации/десекуритизации границ, идентичности и порядка [Vigo, 2000].

Секьюритизацию можно рассматривать как процесс аргументации. Если секьюритизация нуждается в аргументации, то это означает межсубъектную коммуникацию и соглашение по ряду принципов – что считать угрозой, риском, безопасностью и так далее. Следовательно, если вопрос подлежит секьюритизации, то он должен быть расположен в конкретном контексте и артикулирован конкретными влиятельными акторами, побуждающими рассматривать проблему как угрозу для общества.

Т. Бальзак подчеркивает, что секьюритизация характеризуется: – Когнитивными шаблонами (например, метафоры, репертуары визуализации, аналогии, стереотипы, эмоции); – Мобилизацией в определенном контексте, одобренной признанным агентом; – Побуждением целевой аудитории к созданию связанной сети импликаций (например, чувств, мыслей, и интуиции), которые дают основания для действий; – Наделением проблемы и референтного субъекта аурой беспрецедентной угрозы; – Требованием немедленных политических действий для блокирования угрожающего развития событий [Balzacq, 2005].

Поскольку новая повестка дня требует определенного уровня расстановки приоритетов, конструируется через дискурсивные практики коммеморации, коммуникации и репрезентации и оправдывает высокий уровень востребования ресурсов и немедленную реакцию (хотя и в основном политическую). Эта ситуация касается нетрадиционных областей безопасности – экономики, климата, бедности, разнообразия и так далее. Прагматизм PARIS утверждает, что когнитивная структура – последовательный, но гибкий набор способов мышления, мотиваций, и причин для действий – оказывают реальное влияние на дискурс [Balzacq, 2011].

Одним из контекстуальных факторов секьюритизации являются коллективные воспоминания, которые могут быть использованы в процессе принятия решений. В определенном смысле структурные характеристики коллективной памяти уходят корнями в конкретные культурные формы, которые влияют на коммуникацию, когнитивное построение, репрезентацию и восприятие рисков и угроз. В то же время, пересечение секьюритизации и коммеморации перетекает в экономику рисков, где безопасность – это не просто эмоции по поводу того, что считается риском или потенциальной опасностью, а скорее контракт. И как таковой, он может быть предметом торговли и приобретать рыночную стоимость. Экономполитическая секьюритизация производится через дискурсивные практики тех групп, которые имеют доступ к социальной, культурной и политической власти. На самом высоком уровне процесса принятия политических решений вопрос секьюритизации выстраивается как линия глобальных политических решений, в которой все остальные группы решений распределяются по остаточному принципу.

Прагматический акт секьюритизации и легитимации – это основная деятельность глобального лидера по введению «угрожающей» характеристики объекта в общественный дискурс. Именно поэтому мы рассматриваем легитимацию как рамку для анализа того, как именно дискурс секьюритизации выстраивает легитимацию/ делегитимацию для публичной коммуникации по вопросам, связанным с геополитическими рисками.

Различаются четыре категории (де)легитимации: авторизация, моральная оценка, рационализация и мифопоэзис. Авторизация – это делегитимация путем ссылки на авторитет традиции, обычая и общего права; (де)легитимация путем моральной оценки происходит в случае ссылки на систему ценностей; рационализация – это (де)легитимация путем ссылки на использование институционализированного социального действия и через систему знаний и когнитивных моделей; делегитимация путем мифопоэзиса происходит через нарративы о поощрениях и санкциях [Van Leeuwen, 2007].

В отношениях центр-периферия безопасность легитимизируется с использованием всех четырех способов в соответствии с тем, каково то прошлое, которое контекстуализирует сам процесс легитимации. Характерным примером может служить Средняя Азия, оказавшаяся, с одной стороны, фронтальной зоной геополитических проектов – от Европейского Союза до Инициативы «Один Пояс-Один Путь», а с другой – воспринимается как периферия для глобальных лидеров.

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ

С конца 1990-х гг. производство знаний о безопасности является точкой пересечения трех основных подходов: критических исследований безопасности [Wæver, Buzan, 2004; Booth, 2005; Vigo, 2010], постколониальных исследований

[Barkawi, Laffey, 2006; Bilgin, 2010] и региональных исследований [Culture of national security..., 1996; Lake, Morgan, 1997; Fawn, 2009]. Традиционно в региональных исследованиях понятие внешней безопасности обычно рассматривается в сочетании с регионализмом, то есть сложными процессами формирования региональных интеграций [Theories of New Regionalism..., 2003; Solingen, 2008]. Последователи этого подхода ввели понятие регионности как объяснение степени сплоченности внутри региона. Степень сплоченности, в данном случае, зависит от уровня регионности как способности действовать, идентифицировать себя и обеспечивать интеграционные усилия. Более высокая степень регионности означает проактивную позицию, в то время как низкая степень регионности подразумевает реактивную позицию с большим влиянием внешних акторов. Таким образом, регионность тесно связана со сферой безопасности, где более заметны суверенность принятия решений и зависимость от внешней активности. Высокий уровень активности также означает, что политика безопасности может выходить за пределы конкретного региона и даже влиять или формировать мировой порядок [Söderbaum, Hettne, 2010], именно отсюда берет начало европоцентристское видение безопасности и угрозы со стороны периферийной (нестабильной) зоны.

Переход от онтологической безопасности к секьюритизации как дискурсивному акту обращения с общественными благами становится возможным, когда участники «регионов безопасности» определяют внешние отношения либо как угрозу для внутренней стабильности, либо как необходимый элемент своей региональной идентичности [Kilgo, 2018]. Эта идея находит свое обоснование в процессе, наблюдаемом в странах Европейского Восточного Соседства – Молдове, Грузии и Украине. Так, статьи 5 и 8 Соглашений об ассоциации 2014 г. с Молдовой, Украиной и Грузией представляют собой специфический нарратив безопасности в рамках оспариваемого соседства ЕС и России, находящийся где-то между стабильностью и демократическим развитием в системе общих политических ценностей и реализующий меры непризнания и примирения в постконфликтном, следовательно, небезопасном регионе. В этом контексте Центральная Азия как «соседство соседей» выглядит еще более проблематичной для рационализации как способа легитимации, но очевидной для авторизации и моральной оценки как легитимации безопасности на данной периферии.

Собственно, иерархия отношений центр-периферия является наследием индустриальных обществ довоенного периода. Как только исследования в области безопасности [Wæver, Buzan, 2004; Booth, 2005; Buzan, Hansen, 2009] признали европоцентристское видение в качестве своего происхождения, они открыли возможности для дебатов о роли и функциях незападных обществ на арене глобальной конкуренции ведущих акторов [Bilgin, 2010]. Хотя безопасность рационализируется в рамках политики мейнстрима, ориентированной на Запад, конечным результатом такой политики является знание о безопасности,

сформированное не только в «корыстных» интересах, но и в интересах периферийных регионов. Дискуссии о «периферийном характере» некоторых регионов по отношению к развитым регионам и государствам поднимают вопрос о постколониальной природе в определении иерархического и неправомерного характера отношений глобальных акторов к «зависимым» [Shani, 2017], эссенциализма и инаковости, тем самым предоставляя право слова постколониальным исследованиям в рамках дискуссии вокруг «критических исследований безопасности».

Постколониальные исследования критически оценивают, вмешиваются и эффективно дополняют исследования безопасности. «Постколониальные моменты» вносят транснациональное измерение в глобальную геополитику [Acharaya, 1997; Peimani, 1998; Tickner, 2003; Hönke, Müller, 2012; Bonacker, 2018; Laruelle, 2021]. Как предполагают Т. Баркави и М. Лаффи [Barkawi, Laffey, 2006, p. 337], так называемые конфликты по линии Запад-Восток воспроизводят «европоцентристское предположение о том, что власть – реальная, исторически значимая власть – принадлежит только великим державам», и это – власть определять безопасность в соответствии с цивилизационным стандартом.

Что привлекает постколониальный подход к исследованиям безопасности, так это апелляция к элитарной легитимации власти и асимметричному распределению благ как материальных, так и нематериальных, а также формирование объяснительных рациональных моделей и цивилизационных нарративов. Репертуар властного воздействия включает в себя, прежде всего, экономические и политические инструменты, предпочитаемые ведущими постколониальными акторами. «Постколониальный момент», таким образом, указывает на ситуации установления правил игры, основанных на дихотомии «Мы – Другие» и апелляции к дискурсам развития. Устоявшиеся асимметричные отношения выражают привилегию доминирующих нарративов определять то, что такое регионы безопасности и как можно описать и улучшить соседнюю периферию. Экономическое доминирование отдельных стран и регионов приобретает решающее значение, поскольку создает предпосылки для выгод при распределении благ или конкурентных преимуществ. Эти преимущества можно назвать «лидерской рентой» [Buklemishev, Danilov, 2015]. Концепция ренты лидерства, заимствованная из политэкономической литературы [Lake, 1993; Kai, Skaperdas, 2005], показывает, что группа развитых стран предопределяет характер и темпы развития мировой экономики и выступает естественным «центром притяжения» для развивающихся экономик. Эти центры притяжения часто используют патронаж как преимущественно политический инструмент для создания персонализированных отношений между доминирующими и зависимыми; обычно это объясняется культурными причинами. Фундаментальная работа Р. Кауфмана помогает расширить понятие патронажа от электорального поведения до стратегии приобретения, поддержания и усиления политической власти со стороны покровителей [Kaufman, 1974]. Патронаж-клиентаж – это особый тип диадического

обмена, отличающийся неравенством власти и статуса (воспринимаемого или реального); партикулярными и частными отношениями, регулируемые принципом взаимности. Это понятие включает в себя стратегии защиты и продвижения своих интересов со стороны клиентов, а их применение обусловлено набором стимулов и санкций, предоставляемых им. Поскольку предполагается, что патронаж накладывает отпечаток на поведение политий и влияет на то, как эти политии представляют свои интересы, этот инструмент используют лидеры-патроны, связанные со своими клиентами прочными историческими и культурными связями, устойчивыми к радикальным политическим трансформациям. Глобальное развитие демонстрирует, что, с одной стороны, способы формирования и представления отношений (в том числе в сфере безопасности) между великими геополитическими акторами зависят от применяемых стратегий и инструментов, а с другой — от признания равной значимости западных и незападных, неевропейских акторов [Laruelle, 2021].

В таких регионах, как Центральная Азия, воспринимаемых по-прежнему как периферия, дилемма «свобода — безопасность», похоже, больше не существует с точки зрения лидеров. Безопасность стала глобальной программной рациональностью и практикой. Другими словами, результатом чрезмерной безопасности стал прагматический фокус на всеохватывающей политике, основанной на устойчивости. В то же время модели репрезентации, принятия решений и конкретных мер в отношениях с периферией по отношению к глобальным акторам служат для «натурализации» и «прагматизации» патрон-клиентского подхода; и эта логика скорее евроцентрична и постколониальна, чем универсальна [Bull, Watson, 1984; Buzan, Little, 2000; Seth, 2011; Managing Security Threats..., 2020]. Дихотомия «Мы — Другие» чрезвычайно влияет на принятие стратегических решений. В случае с Восточным Партнерством, Центральной Азией безопасность становится наиболее удобной зонтичной темой для Европейского Союза, Евразийского Союза, Инициативы «Один Пояс-Один Путь» со ссылкой на общественные блага, общность рынков и/или «специфический образ жизни». Влиятельные на континенте интеграционные проекты представляют себя лучшими объяснительными моделями; их рационализированные цивилизационные механизмы используются для переноса на периферию. Способность к независимому принятию решений и единоличная ответственность региона за собственную безопасность часто ставится под сомнение [de Haas, 2016].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформация концепта безопасности в XX–XXI вв. является примером того, как разрушаются дисциплинарные границы, когда различные научные программы и социальные практики постепенно гибридируются. Современный дискурс и концептуализация безопасности предполагает, что создание смысла отражает и конструирует социальную реальность. Безопасность оказывается

чрезвычайно важной не только потому, что дискурсивные постлиберальные практики формируют глобальное общественное мнение в отношении субъектов и объектов секьюритизации, но и потому что секьюритизация имеет тенденцию институционально поддерживаться как конституирующий постколониальный фон в текущих программах конкурентной интеграции и солидаризации глобальных акторов.

В XXI в. мы наблюдаем, как легитимирующие стратегии и нарративы безопасности проявляются и передаются в процессе принятия решений глобальными акторами, воплощая запрос на позитивные атрибуты управления безопасностью и демонстрируя негативные атрибуты отсутствия безопасности, тем самым требуя немедленной реакции заинтересованных сторон, оправданной для общего блага. Однако ключевой вызов как для исследований безопасности, так и для тех, кто вносит свой вклад в практическое управление безопасностью сегодня, является понимание того, как эти отдельные совокупности знания встречаются и приводят к непредвиденным политическим последствиям.

Мир вступил в период перераспределения лидерства. Критически важным для этого подхода является понимание и принятие роли новых держав с бывших глобальных периферий. Значимую роль в этих процессах играют регионы безопасности, сложная колониальная история которых сделала их важными объектами стратегий геополитической безопасности и столкновения экономических интересов.

Все мировые акторы признают место и роль «периферий» в общей структуре регионального развития и архитектуры безопасности. Безопасность занимает ведущее место среди концепций, которые в ближайшем будущем будут определять глобальный миропорядок и общие проблемы в рамках отношений соседства. Несмотря на провозглашаемый прагматический подход, глобальные лидеры по-прежнему воспроизводят отношения патронажа, стремятся к постколониальным отношениям, в которых «регионам безопасности» суждено играть подчиненную роль.

REFERENCES

Acharya A. The periphery as the core: The third world and security studies, in *Critical Security Studies: Concepts and Cases*. Ed. by Krause K., Williams M.C. London: Routledge, 1997. Pp. 299–328.

Balzacq T. The three faces of securitization: Political agency, audience and context, in *European Journal of International Relations*. 2005. No 11(2). Pp. 171–201.

Balzacq T. A theory of securitization: Origins, core assumptions, and variants, in *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve*. Ed. by T. Balzacq. Abingdon, UK: Routledge, 2011. Pp. 1–30.

- Barkawi T., Laffey M. The postcolonial moment in security studies, in *Review of International Studies*. 2006. No 3. Pp. 329–352.
- Baudrillard J. *Symbolic Exchange and Death*. London: Sage Publications, 1993. 254 p.
- Beck U. From Industrial Society to the Risk Society, in *Theory, Culture and Society*. 1992. No 9(1). Pp. 97–123.
- Beck U., Grande E. Varieties of secondary modernity: extra-European and European experiences and perspectives, in *The British Journal of Sociology*. 2010. No 61(3). Pp. 406–638.
- Bigo D. When Two become One: Internal and External Securitization in Europe, in *International Relations Theory and the Politics of European Integration: Power, Security, and Community*. Ed. by Kelstrup M., Williams M.C. London: Routledge, 2000, Pp. 171–204.
- Bigo D. Delivering Liberty and Security? The Reframing of Freedom When Associated with Security, in *Europe's 21st Century Challenge. Delivering Liberty*. Ed. by Bigo D., Carrera S., Guild E., Walker R. London: Ashgate, 2010. Pp. 388–420
- Bilgin P. The “Western-Centrism” of Security Studies, in *Security Dialogue*. 2010. No 41(6). December. Pp. 615–622.
- Bonacker T. Security Practices and the Production of Center-Periphery Figurations in Statebuilding, in *Alternatives: Global, Local, Political*. 2019. No 43(4). Pp. 190–206.
- Booth K. *Critical Security Studies and World Politics*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2005. 323 p.
- Buklemishev O., Danilov Y. Global Economic Leadership and the “Leadership Rent”, in *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. No 10. Pp. 5–17.
- Bull H., Watson A. *The Expansion of International Society*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 490 p.
- Buzan B., Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
- Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 452 p.
- Fawn R. Regions’ and their study: wherefrom, what for and whereto?, in *Review of International Studies*. 2009. No 35. Pp. 5–34.
- Managing Security Threats along the EU's Eastern Flanks, New Security Challenges*. Ed. by Fawn R. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 275 p.
- Giddens A. *Europe in the Global Age*. Cambridge, MA: Polity, 2007. 256 p.
- de Haas M. Security Policy and Developments in Central Asia: Security Documents Compared with Security Challenges, in *The Journal of Slavic Military Studies*. 2016. No 29:2. Pp. 203–226.

Hönke J., Müller M.-M. Governing (in)security in a postcolonial world: Transnational entanglements and the worldliness of 'local' practice, in *Security Dialogue*. 2012. No 43(5). Pp. 383–401.

Kai A. Konrad, Skaperdas Stergios. Succession Rules and Leadership Rents, in *CESifo Working Paper Series*. No 1534. CESifo, 2005. 32 p.

Culture of national security: norms and identity in world politics. Ed. by Katzenstein P. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 562 p.

Kaufman Robert R. The Patron-Client Concept and Macro-Politics: Prospects and Problems, in *Comparative Studies in Society and History*. 1974. No 16(3). Pp. 284–308.

Kilroy R.J. Securitization, in *Handbook of Security Science*. Ed. by Masys A. Springer, Cham, 2018. Pp. 1–19.

Lake D. Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential?, in *International Studies Quarterly*. 1993. No 37(4). Pp. 459–489.

Lake D., Morgan P. *Regional Orders: Building Security in a New World*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. 406 p.

Laruelle M. *Central Peripheries: Nationhood in Central Asia*. London: UCL Press, 2021. 264 p.

Makarychev A.S. Securitization and Identity. The Black Sea Region as a "Conflict Formation", in *PONARS Eurasia Policy Memo*. 2008. No 43. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_043.pdf (accessed 13 May 2021).

Peimani H. *Regional Security and the Future of Central Asia: The Competition of Iran, Turkey, and Russia*. Westport, CT: Praeger Publishers, 1998. 151 p.

Rothstein H., Downer J. *Risk in Policy Making: Managing the Risks of Risk Governance*. Report for the Department for Environment, Food and Rural Affairs. London: King's College, 2008. 30 p.

Seth S. Postcolonial Theory and the Critique of International Relations, in *Millennium: Journal of International Studies*. 2011. No 40(1). Pp. 167–183.

Shani G. Human Security as Ontological Security: a Post-colonial Approach, in *Postcolonial Studies*. 2017. No 20:3. Pp. 275–293.

Söderbaum F., Hettne B. Regional Security in a Global Perspective, in *Africa's New Peace and Security Architecture. Promoting norms and institutionalising solutions*. Ed. by Ulf Engel, João Gomes Porto, Doug Bond. London and New York: Routledge, 2010. 179 p.

Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader. Ed. by Söderbaum F., Shaw T.M. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 255 p.

Solingen E. The Genesis, Design, and Effects of Regional Institutions, in *International Studies Quarterly*. 2008. No 52(1). Pp. 261–294.

Tickner A. Seeing IR Differently: Notes from the Third World, in *Millennium*. 2003. No 32(2). Pp. 295–324.

Van Leeuwen T.V. Legitimation in discourse and communication, in *Discourse & Communication*. 2007. No 1(1). Pp. 91–112.

Wæver O., Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 560 p.

Wolfers A. "National Security" as an Ambiguous Symbol, in *Political Science Quarterly*. 1952. No 67. Pp. 481–502.

Статья принята к публикации 30.06.2021